

3 **Кругозор** 70

Жизнь Ленина — подвиг. Это — жизнь, прошедшая в творческой работе мысли и неустанном революционном действии, в идейных и политических битвах. Ленин воплотил в себе самые выдающиеся черты пролетарского революционера: могучий ум, все преодолевающую волю, священную ненависть к рабству и угнетению, революционную страсть, последовательный интернационализм, безграничную веру в творческие силы масс, громадный организаторский гений. Жизнь и деятельность Ленина слились с борьбой рабочего класса и Коммунистической партии.

Из Тезисов ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»

Гитлеровцы вошли в Гуляйполе на закате, когда красное солнце клонилось к горбатым курганам. Улицы были пустынные, будто степной городок обезлюдел. И в этом отчужденном безмолвии возвышался над главной площадью памятник Ленину. Фашистский офицер приказал снести памятник. Но приказ этот так и не был выполнен: на следующее утро памятник исчез. Допросы и обыски ничего не дали. Никто из посвященных в тайну не выдал ее оккупантам...

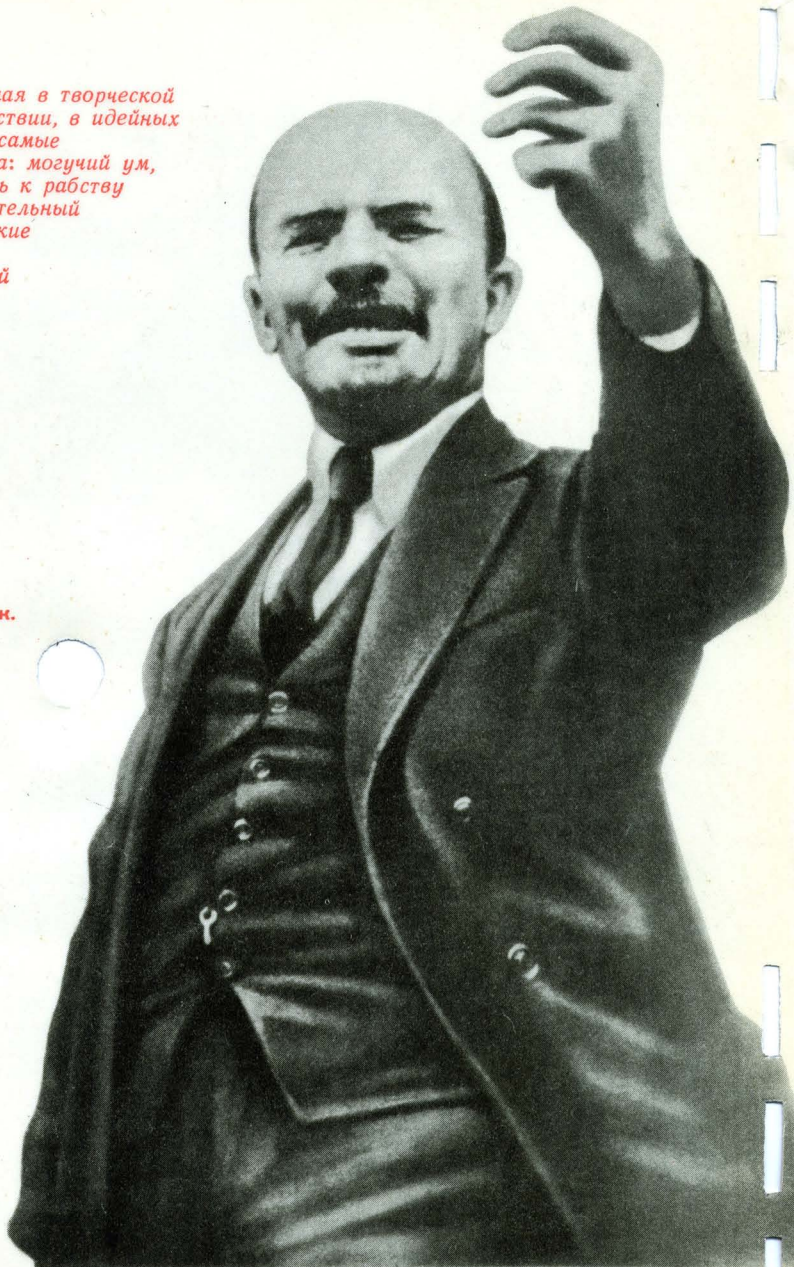
Украинская земля бережно укрывала памятник от поругания. А когда на четвертый год войны Гуляйполе снова стал советским, первым, что увидели наши бойцы, освободившие этот маленький город, был возвышающийся над главной площадью памятник Владимиру Ильичу.

Очень схожая история произошла и в немецком городе Эйслебене. О ней рассказывается в нашем журнале.

Этот номер посвящен людям, которые добросовестным трудом, талантом, мужеством заслужили высокую честь: в их званиях как знак признательности народа звучит имя Ленина.

Совхозный бригадир Михаил Довжик — кавалер ордена Ленина, драматург Николай Погодин, артисты Михаил Штраух и Николай Черкасов, скрипач Леонид Юган, певица Зара Долуханова — лауреаты Ленинской премии. Рабочие города Эйслебена — спасители памятника Ленину.

Для нас свято все, что связано с именем Ленина. Мы дорожим своими святынями, потому что в них связь между настоящим и прошлым, между настоящим и будущим.

Владимир
САВЕЛЬЕВ

Россия, подытожив споры,
которым не было числа,
как зубья вил, стволы «Авроры»
над мрачным Зимним занесла.

И пятерня мастерового
у всей планеты на виду
в замахе
вылилась багрово
в пятиконечную звезду.

Восстал, озлясь, не брат на брата,
не сын на батьку —
класс на класс,
да так, что грозные раскаты
докатывает и до нас.

И силу выказала силе
веками зревшая пора.
Я знаю, знаю,
тучи пыли
не оседали до утра.

По всколыхнувшимся пределам,
по даям,
выжженным борьбой,
держа винтовки неумело,
отряды шли в последний бой.

И полководцы из матросов,
из рудокопов да солдат
смолили зло —
не папиросы,
а горлодерный самосад.

Сурово предвещая сроки
раскрепощенного труда,
с трибун откосов,

как пророки,
гремели бронепоезда.

И эскадроны на рассвете
порыв отчаянности вел...
В обыкновенном кабинете
стоял обыкновенный стол.

Не знаю, узок ли, широк ли...
Но не над ним ли человек
склонялся,
раздвигая локти
и зорко всматриваясь в век?

Он ведал, что не все излечишь
лихим аллюром напролом,

Кабинет В. И. Ленина в Кремле.
Фото В. Хоменко.

БАЛЛАДА О ПИСЬМЕННОМ СТОЛЕ

что человеку в бурке
легче,
чем человеку за столом.

Умевший жить неприхотливо,
согласно сущности войны,
он ликовал,
когда разрывы
сдались на милость тишины.

И то с восторгом, то с досадой
ладонью хлопал по сукну...
Да-да, победа!
Но ведь надо
кормить голодную страну.

Страну,
лежащую во мраке,
где, воем нагоняя страх,
осиротевшие собаки
зверели на пустых дворах.

Я знаю,
как на землю небо
обрушивает свой предел,
когда за малой крохой хлеба
стоит народ великих дел.

Стоит покорно и дремотно...
И очереди тех людей
страшней прицельных,
пулеметных,
секущих в лоб очередей.

Об этом думалось едва ли,
когда распластанным коням
бойцы
клинками указали
дорогу к выстрадавшим дням.

Когда в предчувствии диовин,
одежды, снеди и квартир
с облезлых
сельских колоколен
«максимы» взглядывались в мир.

Когда, дичая, были дети
грозою городов и сел...
В обыкновенном кабинете
стоял обыкновенный стол.

Стоял,
заваленный делами,
раскинув нервы большаков
и остро чувствуя углами
заботы дальних уголков.

Не жуть начальственного грома —
здесь, у него,
лишая сил,
однажды дюжего наркома
голодный обморок скосил.

Здесь у него
пенлись о жизни,
скрывая кашель по весне,
всегда подобранный Дзержинский
и Свердлов в стареньком пенсне.

Здесь споры вспыхивали часто,
здесь,
далью продолжая близь,
смутил английского фантаста
российской хватки реалист.

Казалось,
будни всей планеты
от малых до великих стран
вмещал, отображая, этот
неугасающий экран.

Вмещал и срывы
и задачи,
до срока ждущие вдали,
и те нелегкие удачи
прозревшей вольностью земли.

Да, много кануло рассветов,
и вот упорство, правда, мысль
тремя ступенями ракеты
Россию вымахнули ввысь.

То в синеве,
то в ключьях дыма,
скользящих мимо и назад,
отсчет витков необратимых
уже шагнул за пятьдесят.

Но, все наследуя по праву,
дныне вижу я во снах
те нарастающие лавы
на разномастных скакунах.

Знать, мне бы, мне
в седле болтаться,
рискуя жизнью молодой,

среди кристалльных святотатцев
в суконных шлемах со звездой.

Знать, мне бы,
вскормленному степью,
вдали от нынешней судьбы
коня перед залегшей цепью
взывать нагайкой на дыбы.

И не мальчишечья замашка
в том, что в чеканке золотой
висит тускнеющая шашка
в моей квартире над тахтой.

Ах, шашка и когда-то нужный
кавказской выделки кинжал —
ничто в сравненье
с тем оружием,
которым гений поражал.

Ведь от октябрьских истоков
до нашей доли на земле —
все проявилось
на широком,
простом двухтумбовом столе.

Мне чудится, не став утратой,
над ним, над вехою из вех,
вот-вот проступит рыжеватый,
глядящий в душу человек...

УЛЬЯНОВСК. 1970 г.

Вертикаль

Б. ВАХНЮК,
специальный
корреспондент
«Кругозора».

Для Ленина Ульяновск был Симбирском. Ульяновск сейчас — это: белый мрамор Мемориального центра; зал, услышавший в декабре семнадцатого: «Власть Советам!»; Сергей Аввакумов, бывший кремлевский курсант, коммунист с полувековым стажем; вечный огонь, зажженный потомками тех, кто были первыми. И дом, где жил Ленин. Здесь и записан репортаж, помещенный на первой звуковой странице нашего журнала.

Фото Л. Лазарева.

Венец — так жители старого Симбирска называли «зеленую гору», вершинное междуречье Волги и Свияги. Такое же имя дали ульяновцы высотной гостинице — вертикали, венчающей сегодня размашистый, но строгий профиль Ленинского мемориального центра. С Венца началась моя дорога по Симбирску и Ульяновску. Дорога, на которой пересеклись века.

За флигельком на Стрелецкой, где родился Владимир Ульянов, была когда-то большая площадь с пересыльной тюрьмой. А по другую сторону флигелька, у самого подножия Венца, плескалась и перегоняла баржи Волга. В редкую безветренную минуту полета оттуда тягучая бурлацкая «Дубинушка».

Симбирск издавна зовут городом семи ветров. Я стою спиной к ветру, жду, пока перестанет жечь лицо. И снова оборачиваюсь к Волге. По белому спуску рассыпались оголенные зимние сады. Когда глядишь сверху, они нажут-

ся черными и плоскими, как на гравюре.

От Нового Венца по площади Ленина спускаюсь к улице, которая именовалась прежде Московской, потому что здесь лежал путь на Москву. Дважды вступал на эту улицу Пугачев, и дважды не по своей воле. Вот сюда приходили симбирские дворяне, чтобы поглазеть на крестьянского вождя. Они шли к стальной клетке, как ходят в зверинец. Здесь, у истока бывшей Московской, обронил Емельян Пугачев слова, пророчества которых не осознал до конца ни он сам, ни граф Панин, единственный в ту давнюю минуту его собеседник: «Я не ворон. Я вороненон. А ворон-то еще летает!»

В начале бывшей Московской стоит теперь драматический театр. Много стекла, серые высокие колонны, перечеркнутые бетонным козырьком, афиша с приглашением на новую постановку. А за углом — табличка на стене, и она подтверждает, что именно здесь осенью 1774 года, прикованный цепью к сырой подвальной стене, содержался в заточении Пугачев.

Когда-то несколько гимназистов вместе с Володей Ульяновым разыскивали подземный ход к этому подвалу. Легенда рассказывала, что есть такой тайный ход. Его прорыли соратники Пугачева, чтобы выволить вожака из беды...

В который раз иду по Московской — теперь это улица Ленина — и опять не успеваю заметить, как Ульяновск вокруг меня вдруг сменяется губерньским Симбирском, тихими рядами зеленых и коричневых деревянных домов с антресолями и мезонинами.

Улица-музей. Ей и оставаться такой.

Дом-музей. Дом, открытый для всех...

У самой калитки оглядываюсь. Венец не виден за гребнями крыши. Но не уходит, не уходит ощущение вертикали, взявшей начало здесь, поблизости.

СОЗИДАНИЕ

В Венгрии я часто встречала русские имена — на обелисках, на плитах братских могил. Иногда мне называли чье-то имя и говорили: «Этот русский солдат сидел в здании музея и корректировал огонь, чтобы артиллерия не повредила памятника архитектуры...» Или: «...первым в наше село вошел танк такого-то...»

Я рассказую о капитане Кучерове. Он тоже был первым. Хотя не врвался первым в село и не корректировал огонь артиллерии.

Но сначала о «правилах RLZ». Буквы эти означают: эвакуация, ликвидация, разрушение. Буквы эти определили судьбу всего, что оставляли, покидая страну, гитле-

ровцы. В конце декабря 1944 года эти буквы стали приговором Будапешту. На секретном совещании у Гитлера, где присутствовал главарь венгерских фашистов Салаш, этот приговор огласил Гудериан: «В Венгрии специальные отряды вермахта будут осуществлять правила RLZ, то есть вывозить все оборудование, а электростанции, железные дороги будут разрушены».

Выполнение «правил RLZ» возлагалось на вермахт.

13 декабря 1944 года рабочие будапештского завода «Ланг» увидели другую армию: советские войска вошли в город. Тогда-то на «Ланге» и появился капитан Кучеров.

Почему-то его окрестили «товарищ майор» и почему-то в воспоминаниях он сохранился «с маленькой саблей у пояса». «Вот что, — сказал Кучеров (он пришел в бомбоубежище, где сидели чело-

век двадцать рабочих), — будем пускать завод».

Это звучало почти фантастично: город еще ходил ходуном от гула канонады.

— Начнем с электростанции, — сказал Кучеров, — без тока жизни нет.

Не было колец для турбин. Янош Венеци и Ференц Гальванек взялись выточить их вручную. Вручную запускали и двигатель. Через несколько часов после прихода советских войск завод вступил в строй. Первый завод «Ланг».

Уже назавтра заводской двор загромодили покалеченные танки, бронетранспортеры, тягачи, ждавшие ремонта. И меж их железными телами сновал капитан Кучеров, первый советский комендант завода «Ланг». Он появлялся в цехе, присматривал, как перетаскивают на кухню муку для рабочих, помогал доставлять патроны на остров Маргит по удивительной дамбе. Это было какое-то странное изобретение русских. На реку, покрытую тонким слоем льда, укладывали доски, потом солому; потом вся эта диковинная конструкция заливалась водой, лед схватывал ее, и по этой ледяной гати можно было протаскать даже небольшую пушку.

Сколько часов проводил Кучеров на заводе, трудно сказать, ведь сами рабочие не выходили из цехов по несколько суток. А может быть, наоборот, рабочие поступали так, как поступал Кучеров?

4 апреля Венгрия была освобождена, а к Первому мая в памятную книгу завода записали: «Первым новатором среди рабочих стал разметчик Иштван Гог, которому профком выдал похвальную грамоту и премировал 4-мя килограммами муки».

Откуда возникли на венгерском заводе эти необычные слова: «по-

*Мост «Эржсбет» соединяет Буду и Пешт.
Вид на здание Государственного собрания.*

Фото М. Трахмана.

чин», «новатор», «грамота»? Кто научил рабочих их звучанию, их смыслу? Наверное, тоже он, Кучеров.

«Майор за все» — так звали его. Конечно, за все: продукты у командования выбить для рабочих — Кучеров. Снарядить в рейд ланговскую «Антилопу Гну» — Кучеров. Роль «Антилопы Гну» на заводе исполняла не какая-нибудь развалюха, а элегантный «понкард». Уникальный. Неповторимый. Единственный в мире. Ибо не существовало в мире другого «понкарда», работавшего на... дровах. На нем отправлялись рабочие по деревьям и за продукты для завода подряжались делать всякую работу — от ремонта церковных колоколов до лужения кастрюль.

Многому научился «Ланг» в те месяцы сорок пятого. А в августе Кучеров пришел в цех.

— Ну вот и все, — сказал, — отбываю. Теперь у вас будет гражданское руководство, свое, венгерское. Вот и все.

Да, собственно, вот и все. Но сейчас, когда в Венгрии с благодарностью вспоминают русские имена, мне приятно, что на заводе «Ланг», который нынче принялся за изготовление четырех мощных турбин, что на заводе «Ланг» не забыли капитана Кучерова. Вспоминают капитана армии, у которой тоже были свои, хоть и неписанные правила, сменявшие на разных землях нацистские «правила RLZ».

Я бы назвала их так: Спасение, Возрождение, Созидание.

Галина ШЕРГОВА,
специальный
корреспондент
«Кругозора»

Будапешт

КАВАЛЕР ОРДЕНА ЛЕНИНА

ПРИСЯГАЮТ РАЗ И НАВСЕГДА

У меня есть добрый знакомый. Я мог бы называть его другом, но он из тех людей, которые не умеют разбрасываться неразменными словами.

— В дружбе, как и в любви: чем больше клясть, тем меньше веры, — сказал он мне однажды, и я принял к сведению этот невольный афоризм.

Итак, у меня есть знакомый. Вы хотя бы понаслышке тоже его знаете. Это Михаил Довжик.

Было, и не так чтобы очень давно, время, когда его имя украшало первые полосы газет, когда киношники, не скупясь, расходовали на Михаила километры пленки, когда композиторы посвящали Довжину песни, когда перья очеркистов посвящали его в разных творческих манерах.

Скольким свет юпитеров распалил воображение, скольких вынудил возомнить о себе бог весть что!.. Но ведь нормальный человек лучше всего смотрится при нормальном освещении.

Я спрашиваю Михаила:

— Ты же учился на курсах директоров совхозов, а директором не стал. Почему?

Довжик смотрит на меня так, словно хочет сказать: «А почему ты не стал Толстым?» Но вслух после паузы, которая по длительности, может быть, чуточку больше обычной, говорит:

— Помнишь поговорку про человека, который красит место? Так это — вранье. Каждый человек на своем месте — вот как будет правильно. Окончи я институт — другой разговор, а то с моим-то образованием и поучать инженеров да агрономов? Не те времена...

Редко пишут теперь о Довжине.

И я взялся за перо вовсе не для того, чтобы снова напомнить миру о его существовании. Просто настало время разобраться в том, кто же такой Довжик как общественная личность.

Вот эпизод из жизни Довжинки.

В совхозном клубе шло собрание. На трибуне — секретарь обкома партии. Напряженное внимание первых рядов и увлеченный шепотом в удаленных углах. И когда секретарь кончил выступать, слова попросил бригадир Михаил Довжик.

— Помните ли вы, товарищ секретарь, март 1954 года? Наш проезд на полустанок Джанксы? Вы тогда тоже произносили речь. Вы говорили, что в степи вырастут поселки городского типа, где в домах будут газ, горячая вода, электричество, что будут на целине школы и институты. Я слушал и не очень-то верил. Но оказалось, что вы говорили правду. Спасибо вам за эту правду.

Довжик подошел к секретарю и пожал ему руку. Была в этой сцене такая непосредственность, что смолкло шушуканье в дальних углах.

Теперь я понимаю причину этого порыва, но когда-то он был для меня лишь любопытным слу-

чаем из жизни хорошо знакомого человека. Украинский селянин, которому подчас сулили и молочные реки и кисельные берега, привык вести себя как тот стреляный воробей. У него выработался иммунитет против громких слов. И еще не известно, как бы сложилась жизнь Довжинки, не загреми над страной: «Ветсыя дорога длинная...»

Довжнику открылось, что язык дан не для того, чтобы сотрясать воздух, а для того, чтобы произносить слова, которые предшествуют делу. И с этого момента начал складываться характер человека, презирающего разрыв между словом и делом, понявшего, что на земле у каждого свое предназначение.

Довжик брал в свою бригаду только потомственных крестьян, со всей сознательностью обходящихся с землей, которая только к таким и щедра. Он и его люди работали на доверенной им земле, не придавая чрезмерного значения поднятой в их честь шумихе.

В словах «целина» и «цель» они уловили не просто внешнее созвучие, они постигли внутреннюю взаимосвязь этих слов — тогда-то патристический рыбок в необжитое стал их делом.

Засветилось новым смыслом древнее слово «целина». Оно, утратив свое географическое и утилитарно-земледельческое значение, превратилось в термин общественный, исторический, стало мерилом гражданской активности.

Целинник — личность историческая, постигшая свою ответственность перед обществом. Это человек, осознавший себя творцом. Это бригадир, понимающий, что с него такой же спрос, как с секретаря обкома, и поэтому чувствующий себя на доверенном ему обществом участке работы государственным деятелем. В конечном счете целинник — это обусловленный потребностями эпохи характер, в котором целеустремленностью уравновешены общественные и личные интересы.

Палатка, в которой в марте 1954 года жили Михаил Довжик и его товарищи, хранится в Музее революции, и это выше всех наград для героев, чей подвиг не мгновение, а десятилетия, для подвижников, которые постигли, что на верность идеалам присягают раз и навсегда.

Адольф ДИХТЯРЬ

Казахская ССР, совхоз «Ш у й с к и й».

На пятой звуковой странице — монолог Михаила Довжинки, записанный корреспондентом Всесоюзного радио Виктором Глуховцевым.

На фото А. Лидова — Михаил Довжик.

Борис МУРТАЗОВ

Скачки в горах во славу Ленина

По древнему осетинскому обычаю, в честь прославленного человека после его смерти устраиваются скачки.

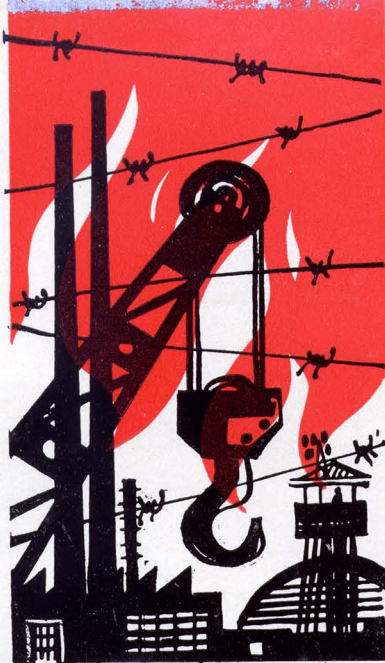
В январский мороз,
Пораженные скорбно вестью,
Замолкли все песни Осетии —
Разом все вместе.
Все пляски Осетии стихли —
Все вместе и разом.
Морозом и скорбью
Охвачены сердце и разум.
Но с гор белоснежных
Послышалось скорбной порою:
— На скачки, на скачки, на
скачки

Во славу героя!
Зерном скакунов мы кормили
Овсяным, ячменным,
Чтоб легким был конь,
Среди многих достойных —
Отменным.
Летят отовсюду к нам всадники
в гости.

Россия,
Чечня, Кабарда, Адыгея.
Салам, дорогие!
Калмыкия скачет.
К нам едут сыны Карачая.
— Друзья, мы вам рады! —
Гостям говорим, их встречая,
Как синее небо над нами,
Безбрежна равнина,
И каждый из всадников
Смотрит на друга ревниво.
И каждый из всадников
Хочет домчатся до цели.
Сигнал! И — как ветер,
Они сорвались, полетели.
Летят, уподобясь
И вихрю, и стрелам, и грому.
По первому кругу все вместе,
Вразброс — по второму.
Скакун Карачая прорвался вперед,
Но — мгновенье! —
Скакун из России его обогнал.
Напряженье
Росло, и калмык
Оказался уже перед ними
Но ласточкой вырвался конь —
Назовите же имя! —
И всех обогнал.
Это всадник земли Иристана*
Он знамя схватил на скаку
Горячо и влюбленно.

С осетинского
перевел Лев Озеров.

* Древнее название Осетии.

ЧЕРЕЗ ВЕКА

История эта произошла в Германии в 1943—1944 годы. Впрочем, у нее была предыстория.

Пока только никак не связанные, казалось бы, между собой факты. 1925 год, город Пушкин, Ленинградской области. Через год после смерти Ильича здесь устанавливают на площади один из первых в нашей стране памятников Ленину. Автор памятника — скульптор Манизер. 1926 год: немецкий коммунист Герман Хайне, находясь в составе рабочей делегации, знакомившейся с Советским Союзом, привозит домой, в город Эйслебен, красное знамя — подарок горнякам от рабочих московского завода «Серп и молот».

Через несколько лет в тот же город попадает знамя, привезенное горняками от сталеваров Кривого Рога. В городе Пушкин дочь рабочего Валя Шестакова вступает в пионеры. А в 1933 году один из лидеров рабочего движения в Эйслебене, коммунист Роберт Бюхнер, в первый раз попадает в тюрьму.

Война подвела итог всем этим событиям, перекрестила дороги этих людей. Их судьбы — как роли, написанные Борьбой и Верностью. Герои были готовы выйти на сцену, где при пустом зале, наедине с совестью, им нужно было либо, опустив глаза, молча уйти за кулисы, либо совершить подвиг. Третьего не было дано.

...В 1943 году на металлургический завод города Эйслебена пришел очередной состав с цветным

металлом из оккупированных фашистами стран. Колокола, водопроводные трубы, алюминиевые чайники, бронзовые подсвечники, медь, никель, свинец. Германская армия буксовала на равнинах России, и ей требовалось все больше и больше сырья. Из одного вагона самый большой на заводе кран извлек трехметровую скульптуру...

Это был памятник, который фашисты вывезли из города Пушкин...

Эйслебенский коммунист Герман Хайне, командир интербригады в Испании, начальник отряда маки в Южной Франции, был к тому времени казнен фашистами. Но его мать и жена, рискуя жизнью,

хранили у себя в доме знамя, которое Герман привез из Советской России...

Город Эйслебен — город революционных традиций. И не случайно машинист крана аккуратно положил в сторону скульптуру и... завалил ломом.

Впрочем, вскоре о памятнике вспомнили. Бригаду сварщиков вызвали в заводоуправление и приказали разрезать памятник. Бригадир заявил, что так много электродов у него не найдется. Тогда инженер Ентч вызвал к себе взрывника Фридриха Хёрнинга. Хёрнинг отказался взорвать скульптуру, ссылаясь на то, что

*Роберт Бюхнер:
— Вот на этом месте лежал памятник...*

Город Эйслебен. Май 1969 года.

Фото Ю. Визбора.

взрыв по техническим причинам произвести нельзя.

Именно тогда о памятнике узнала угнанная в неволю «сельскохозяйственная рабочая» Валентина Шестакова, связанная антифашистской группы «Средняя Германия», во главе которой стоял Роберт Бюхнер. Историю спасения памятника вы услышите на второй звуковой странице.

13 апреля 1945 года в Эйслебене антифашистский гражданский комитет взял власть в свои руки. Первым бургомистром города стал Роберт Бюхнер. В тот день, когда советские войска вошли в Эйслебен, они увидели на центральной площади трехметровый монумент Ленина.

И еще два события. 8 мая 1966 года в город Пушкин, Ленинградской области, приехала делегация горняков, которая установила здесь памятник Эрнсту Тельману, отлитый в Эйслебене на средства рабочих. А решением Советского правительства от 1 мая 1948 года в Эйслебен был навечно передан монумент Ленина. Он и сейчас стоит на площади перед домом германо-советской дружбы. Смотрит вдаль. Через века...

Ю. ВИЗБОР,
В. ГУБЕЛЬМАН,
специальные корреспонденты
«Кругозора»

Эйслебен — Москва

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ «М»

Соединенные Штаты потрясаемы бурными событиями. Война во Вьетнаме поляризует всех и вся. Не проходит дня, чтобы где-нибудь на севере или на юге, на западе или на востоке США не выступили бы студенты и рабочие, не освещались бы вспышками гнева негритянские гетто. Но бывают дни, когда в одном мощном порыве объединяются все прогрессивные силы страны, когда на улицы выходят все те, кто не в силах молчать и сдерживать свой гнев. Это дни «М» — дни «вьетнамского моратория».

Когда, с чего все началось? Первый день «М» выпал на субботу 15 апреля 1967 года. По субботам Нью-Йорк кажется пустынным городом. Нет спешащих людей, нет лавины автомашин. Лишь кое-где в узеньких стритах-ущельях мальчишки, черные и белые, играют в бейсбол да девчонки прыгают через скакалку или вертят хула-хупы. Но в то весеннее утро все было иначе. Из Бронкса и Даунтауна, Гарлема и Уэстсайда и Центральному парку на Манхэттене двигался людской поток. Шли не только жители Нью-Йорка и его окрестностей. По дорогам самой «автомобильной страны» сюда направлялись пешком тысячи людей из Чикаго, Бостона, Детройта, Питсбурга и других городов. Они несли плакаты: «Давайте воевать с голодом и болезнями Америки, а не с народом Вьетнама». «Мы пришли из Чикаго, чтобы сказать «нет» грязной войне»...

Я был свидетелем этой демонстрации, приехав в США после долгих лет отсутствия. В Америке я родился, вырос и вот теперь прибыл сюда в командировку читать лекции о достижениях советского искусства.

...У Центрального парка мне сунули в руку десятка два листовок. На одной была изображена обожженная нападком вьетнамская девочка. И стихи:

«Тише, американцы...
Слышите, как плачут дети
в хайфонских джунглях?
Не пора ли подать голос против войны
во Вьетнаме?»

Парк гудел, как разворошенный улей. На небольшом холме парни жгли призывные свидетельства, высоко подняв горящую бумагу над головой. Им аплодировали. Во многих группах были певцы с гитарами. Оттуда доносились песни. Мимо промчался отряд конной полиции. Он скрылся в той стороне, откуда должен был начаться марш демонстрантов и площади перед небоскребом ООН. Там, среди представителей рабочих Нью-Йорка, молодых и старых, я узнавал знакомые мне еще с детства лица. Вот ветеран рабочего движения матушка Блур, национальный председатель Коммунистической партии США Генри Уинстон, старейшие деятели рабочей прессы Джозеф Норт, Арт и Эстер Шидс...

Они тоже пели. Они пели песню о Ленине. О Николае Ленине. Я вспомнил. Тридцатые годы. Городок Бетлехем в штате Пенсильвания. Мой отец — рабочий-доменик на заводах Чали Шваба. Он приехал сюда двадцать лет назад. Уроженец Киевской губернии Сергей Коваленко после участия в событиях 1905—1907 годов в России «превратился» в Григория Бурлака, товарищи помогли ему бежать от царской расправы за рубеж. Так отец оказался в Америке. Там он женился, у него родились дочь и сыновья, он продолжал революционную работу в рядах рабочего класса США. Потом, уже перед самой второй мировой войной, МОПР помог нашей семье вернуться на родину...

Однажды в Бетлехеме и нам в дом ворвались полицейские. Когда они ушли, мать попросила меня спрятать в розе жестяную коробку из-под сигар. Перед тем как выполнить поручение, я, конечно, не удержался и вскрыл ящичек. В нем оказалось несколько листовок с машиннописным текстом. Один — на английском, другой — на незнакомом мне тогда языке. Нетрудно было догадаться, что это два экземпляра одного и того же документа: один и тот же адрес, дата и подпись те же. Вверху стояло: «Письмо к американским рабочим». Внизу: «20 августа 1918 года, Н. Ленин».

Уже потом, много лет спустя, в Москве я узнал об удивительной истории этого письма, о том, как оно было доставлено в Америку и как при содействии Джона Рида и Сэн Катаямы было опубликовано в Нью-Йорке, Бостоне и получило огромный резонанс...

...Группы выстраивались по восемь—десять человек. По краям колонн у тротуаров, возле желтых деревянных барьеров замерли полицейские, готовые в любую минуту пустить в ход дубинки и баллоны со слезоточивым газом. Мишенью мог быть каждый демонстрант. Почти у всех блестили большие круглые значки. Они были разного цвета. У рабочих-ветеранов они были оранжевыми с надписью: «Зреют хлеба». Это бывший пароль французских маки... Вот идут девушки-студентки Колумбийского университета, у них розовые и зеленые значки. На розовых написано: «Лучше любить, чем воевать», на зеленых: «Верните домой наших парней». Не доходя до площади, где готовился митинг, я увидел зловещего вида молодчиков. Значки выдавали их принадлежность: «Лучше быть мертвым, чем красным». У некоторых гитлеровская свастика на рукаве. Они шли к площади, чтобы сорвать митинг. «Нет, ничего сегодня у них не выйдет», — говорил вокруг. На асфальтовом поле у здания ООН возвышалось людское море. Счетчики-автоматы, установленные полицией, показывали, что на площадь пришло сто тысяч человек...

Николай БУРЛАК

Вот она, нью-йоркская манифестация против войны во Вьетнаме: тысячеликий поток объединил всех. Возраст шестилет — от семнадцати до сорока. Полиция наготове... Фото автора.

Маргарита АЛИГЕР

Девушка на морском берегу

На морском сияющем берегу,
на лазурном пляже, распахнутом,
на чудесном пляже, совершенно
безлюдном,
потому что такие пляжи
предназначены для богатых,
а богатых в стране не осталось,
остались одни бедняки,
которые днем на работе —
сажают кофе,
режут тростник,
вершат государственные дела,
решают, как людям жить дальше.
Так вот,
на чудесном безлюдном пляже
я увидела издали девушку,
совершенно одну,
совершенно нагую,
нет, не темную,
даже не смуглую,
светлокожую,
чуть золотую от солнца,
светловолосую и светлоглазую.
Впрочем, глаз ее я не видала,
я боялась приблизиться, чтобы
ее не смутить.

Она отдыхала,
она наслаждалась,
плескалась в волнах,
вытягивалась на песке,
обсыхала под солнцем
и снова плескалась в волнах,
как будто старалась поглубже

впитать
в свою кожу, и плоть, и кровь
море, и солнце, и воздух,
превратить их в другую энергию,
которая ей пригодится
на ее нелегкой работе.
На какой?
Ей-богу, не знаю.
Но одно я знаю отлично:
если в стране не осталось

богатых,
значит, нет и легкой работы.
Ей дали отгул, или отпуск,
или только один выходной,
золотистой девушке

на лазурном пляже,
и она отдыхала,
она наслаждалась,—
это чувствовалось даже

на расстоянии,
Но внезапно она поднялась,
решительно.

даже поспешно
отряхнула с кожи песчинки
и оделась
почти торопливо.
Ее одежда была простой и
слишком грубой для такого
нежного тела,—
сапоги, гимнастерка, ремни,—
но сидела она очень ладно,
видно, девушка к ней привыкла
и не знала другой одежды.
И когда поднялась она с пляжа
и пошла по крутой дороге,
поглядев ей вослед,
я ее сразу узнала.
Это была Революция.
Она улучила часок,
отдохнула на солнечном пляже,
как простые смертные люди,
как солдаты ее отдыхают,
и вернулась на страдный путь,
на крутую дорогу победы.
Победы, победы —
одна за другой,
их так много,
они такие великие...
Как трудно управиться с ними!

Куба, 1968 г.

Сегодня на нашей встрече...
Но прежде чем рассказать
об этом, познакомьтесь с неко-
торыми «особыми правилами»,
вводимыми сегодня по некото-
рому счастливому поводу:

1. В «Кабачок» допускаются
мужчины только в качестве об-
служивающего персонала: за-
пускальщики пластинок, ма-
хальщики опахалами, подно-
сильщики.

2. Женщинам рекомендуется
в сегодняшнем «Кабачке» при-
дираться к обслуживающему
персоналу по любому поводу и
капризничать без всякого по-
вода.

3. Женщинам не рекоменду-
ется: ударять пальцем о па-
лец, допускать какую-либо сте-
пень фамильярности со сторо-
ны работников сферы обслу-
живания, а также позволять
себе какую-либо форму демо-

кабачок

кратичности в обращении с
последними.

4. В целях наибольшего уб-
лажения очаровательных посе-
тительниц «Кабачка» сегодня
для них будут крутиться под
иглой в основном мужчины,
объединенные лишь одной об-
щностью — талантом.

Теперь я могу вернуться к
тому, с чего начал. Итак, се-
годня в нашем «Кабачке»...
Впрочем, в «особых правилах»,
перечисленных выше, изложе-
но все, что будет в «Ка-
бачке» сегодня по случаю
радостного и торжественного
женского праздника — 8 Марта.

Слушайте одиннадцатую звуко-
вую страницу журнала.

В любом городе, как только появляются афиши со звонким словом «Орэра», любители эстрады начинают гадать: «Что же такое — «Орэра»?»

«Орэра» — грузинский вокально-инструментальный ансамбль, в котором каждый участник играет на нескольких музыкальных инструментах и поет. Родона-

ступает, привозит новые песни, включая их в свою программу. И каждый раз «Орэра» непременно приглашает своих слушателей в путешествие по песенным дорогам древней и нынешней Грузии.

«Орэра» в совершенстве владеет национальной манерой вокально-ансамблевого исполнительства. Если вы захотите почувствовать дух старого Тбилиси, то на концертах «Орэра» сможете мысленно побродить по его улицам, забытым духанам, где складывал свои строки ашуг Саят-Нова и создавал шедевры Пиросмани. Кинто — легендарные острословы кинто — не ходят больше по тбилисским улицам. В Ортачальских садах не собираются теперь карачогели — уличные трубадуры и не поют мухамбази (серенады) своими возлюбленным... Но стоит вам попасть на концерт «Орэра», как пред-

чальник ансамбля — квартет, появившийся десять лет назад в самодеятельности Тбилисского института иностранных языков. Руководил тогда квартетом студент, а ныне заслуженный артист Грузинской ССР Роберт Бардзимашвили и пели тоже студенты — Зураб Яшвили, Теймураз Давитая и Гено Надирашвили...

Уже через год их знали за пределами Тбилиси как «великолепную четверку». Теперь, кроме названных, членами коллектива стали Теймураз Мегвинетухуцеси, Александр Манджгаладзе, Вахтанг Кикабидзе и заслуженная артистка Грузинской ССР Нани Брегвадзе.

Ансамбль много путешествует и из каждой страны, в которой вы-

вами предстанут старые добрые знакомые и будут петь удивительно грустные, медленные песни. А потом будут плясать шалахо. И вы убедитесь, что певцы-музыканты еще и хорошие танцоры.

Все участники ансамбля популярны. Но самым знаменитым в прошлом сезоне был Вахтанг Кикабидзе, которого ласково называют в «Орэра» Бубой (вы узнаете в нем героя фильма Г. Дanelия «Не горюй» — доктора Бенжамена). Говорят, что в прошлом году в Грузии ансамбль «Орэра» многие называли «Буба-69», хотя Вахтанг почти не выступал, так как снимался в кино. Единственный женский голос ансамбля — Нани Брегвадзе. С детства Нани подпевала сво-

им тетушкам и маме, когда они исполняли романсы или грузинские песни. Она и сейчас не расстается с романсами. На мой вопрос: «Что вы делаете, Нани, когда не поете?» — она сказала: «Пою!»

Ну, а теперь — что же все-таки такое «Орэра»? «Орэра» — припев старинной грузинской песни, воспевающей бога Солнца Ра — «О... рэ... ра».

А. СИЛИКАШВИЛИ

Ансамбль «Орэра» и его солистка Нани Брегвадзе.
Фото В. Уварова,

Коган — один из самых замечательных скрипачей. Не только нашей страны. Не только нашего века. Он в ряду величайших поэтов скрипки за последние триста лет начиная от Арканджело Корелли, таких, как Тартини и Паганини, Вьетан и Сарасате, Фриц Крейслер и Джордже Энеску. Коган знает весь мир, и весь мир называет его чародеем. Но сегодня быть чародеем, пожалуй, труднее, нежели самому Паганини: человечество уже слышало «дьявольскую игру» и от новых чародеев ждет новых чудес.

Но, может быть, Коган потому так хорош, что все великие в прошлом? Нет! В мире и сегодня есть скрипачи высочайшего класса, могучие, блистательные таланты начиная с Давида Ойстраха — Яша Хейфец, Исаак Стерн, Иегуди Менухин...

В ряду величайших скрипачей Коган стоит потому, что игру его узнаешь всегда по нескольким тактам даже случайно, в эфире — по тембру, по интонации, фразировке. Потому, что он создал свой стиль исполнения и по-своему выразил стиль эпохи. Мастерство он довел до той степени совершенства, что непостижимые трудности воспринимаются так естественно, как дыхание, движение или улыбка. При этом в игре его нет ничего эффектного, броского. Да и зачем ему? Его музыка вызывает всегда такую бездну мыслей и чувств,

Смычок Леонида Когана

так всегда драматична — по динамике, по контрастам. Коган стремится к ним даже в построении программ — играет в один вечер три скрипичных концерта: Баха, Бетховена и Альбана Берга, австрийского композитора, умершего в 1935 году. Три гениальных творца. Три века. Три стиля.

И в самой игре его восхищают контрастные свойства — романтический порыв и необыкновенный покой. Яркость красок и предельная простота. Буйная фантазия и удивительная серьезность. Ошеломляющий блеск пассажей и правда чувства. Это потому, как мне кажется, что душевной структуре Когана свойственны два начала: интуитивное постижение искусства и острая мысль. И при всем том полное перевоплощение — в автора, в эпоху, в национальность, в дух пьесы...

Об игре его часто пишут: «искренность, глубина, убедительность...» Все верно. Но ведь это можно сказать и о других скрипачах! Мне кажется, что реже бывает соединение свободы, поэзии, интеллекта и высокого артистизма. Артистизма чувства, артистизма ума, игры, поведения, артистизма личности и таланта. В Когане покоряет эта его открытость навстречу музыке, сочетание влюбленности и строгого исполнения долга.

Это всегда поражает. И это всегда событие!

Иракий АНДРОНИКОВ

Слушайте восьмую звуковую страницу журнала.

Зара Долуханова поет Баха, и вас не покидает ощущение строгой сдержанности. Певица избегает эмоциональной открытости, бурных кульминаций, осторожно пользуется тембровыми контрастами, и на всем лежит печать величавости, высокого благородства.

Совсем по-иному в ее исполнении звучат романсы и песни Прокофьева, особенно обработки русских народных песен. Здесь голос Долухановой покоряет мягкостью и ласковой теплотой; артистка демонстрирует типично русскую по вокальным краскам, плавную и трепетную кантилену, на которой зиждется русская певческая школа.

Зара Долуханова принадлежит к той плеяде музыкантов, искусство которых исполнено для слушателей особого смысла и значения. Оно словно раскрывает перед нами эволюцию музыкально-исполнительского творчества на протяжении больших отрезков времени. Их мастерство позволяет глубже и полнее познать постоянно изменчивую и нетленную красоту музыки...

Круг творческих симпатий Зары Долухановой исключительно велик. Бах и Чайковский, Гендель и Шуберт, Гуго Вольф и Прокофьев, Равель и Верди. От музыки средневековья до композиторов XX века. И в этом смысле каждый ее концерт — как бы путешествие по шкале времени с его страстями, борьбой и поисками идеалов.

Диапазоны Долухановой

Голос Долухановой большого объема (две с половиной октавы), таит в себе бесконечное разнообразие тембровых красок, тончайших вокальных эффектов. Если вы хотите получить представление о том, что итальянцы в период расцвета бель канто называли «Voce d'oro» (золотым голосом), вслушайтесь в звучание голоса Долухановой.

Есть артисты, которые свое искусство непосредственно адресуют сердцу слушателя. И есть музыканты, своеобразие мастерства которых открывается слушателю лишь после напряженной работы мысли. Не пытайтесь сравнивать, а тем более противопоставлять эти два типа художников, скажу только, что Зара Долуханова счастливо сочетается в своем исполнительском творчестве яркую эмоциональность и глубокий интеллектуализм.

Первой — и пока единственной — из певцов в 1966 году Зара Долуханова была удостоена Ленинской премии. Высокая награда достойно увенчала ее артистический труд.

Всеволод ТИМОХИН

Фото А. Лидова.

Слушайте седьмую звуковую страницу журнала.

слушайте
в
номере

Кругозор

3 (72) март 1970

В звуковую книгу
о В. И. Ленине:

1. «Ульяновск — город Ульяновых», Репортаж.
2. «Памятник в Эйслебене». Репортаж из ГДР.
3. «Всегда с волнением...» Рассказывает Николай Черкасов.
4. Поэты мира о Ленине.
5. «Во имя горячего лета». Эпизоды из жизни М. Довжника. Песню «Что горевать нам, мальчики» исполняет В. Мильто.
6. Семь аккордов атаки. Американские песни протеста. Ведущий — Николай Бурлак.
7. Избранные записи Зары Дулхановой. С. Рахманинов. «Здесь хорошо»; Ф. Пуленн. «Парни идут на праздник» из цикла «Сельские песни»; Г. Гендель. Фрагмент арии Мелисы из оперы «Амадис».
8. Играет Леонид Коган. Прокофьев — Хейфец. «Марш»; Дебюсси — Хейфец. «Чудный вечер»; Сарасате. «Цапатеадо». Партия ф-но — Н. Вальтер.
9. Первый оттиск. Песни А. Колкера на слова К. Рыжова из оперетты «Журавль в небе». Псют М. Пахоменко и Э. Хиль.
10. «Орэра» — ансамбль и солисты. Ш. Милорава, слова Л. Чубабрия и А. Дмоховского. «Снова с тобой». Исп. Н. Брегадзе; Р. Лагидзе, слова П. Грузинского. «Мне не жить без тебя»; турецкая песня «Я пьян от любви». Исп. В. Кинабидзе.
11. Кабачок 33½ оборота.
12. Эстрада планеты. Янош Коош. Р. Ловаш, И. Сенеш. «Девушка у рояля», «Добро пожаловать».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамплазис
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДИНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки: картина
Камиля Миргалимова
«Товарищ пришел»
(Туркменская ССР)

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
В. А. Шапов
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48

Сдано в набор 27/II 70 г.
В 04433. Подп. к печ.
16/II 1970 г. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 255. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47.
ул. «Правды», 24.

Постигая Ленина, люди изучают каждую его строку. Постигая Ленина, люди говорят, размышляют о нем. Воссоздают его образ в искусстве. Выразить свое понимание Ленина, свое отношение к великому человеку стало творческой потребностью.

постигая,
совершенствуюсь

Николай Погодин, драматург: «Каждый, кто работал над ленинскими спектаклями, очевидно, знает это неповторимое чувство удивления, трепета и страха — да, и страха — перед своей ролью. Страх — не всегда трусость. Мне лично вообще не верилось, что можно что-нибудь сделать. Я знаю актеров, которые приходили в смятение от собственного грима. В одном театре режиссита, увидевши впервые в гриме артиста, работающего над образом Ленина, разрыдалась...
...Без глубокого знания сочинений В. И. Ленина ни писать, ни играть Ленина невозможно. Я говорю о глубоком знании первоисточника. И чем больше мы будем знать прекрасные ленинские работы, тем лучше».

Борис Смирнов, народный артист СССР: «Расказать о своей работе, работе актера над образом Ленина, трудно, почти невозможно. Ведь это значит говорить о деле, которое не завершено, которое продолжается, которое, я убежден, не может остановиться».

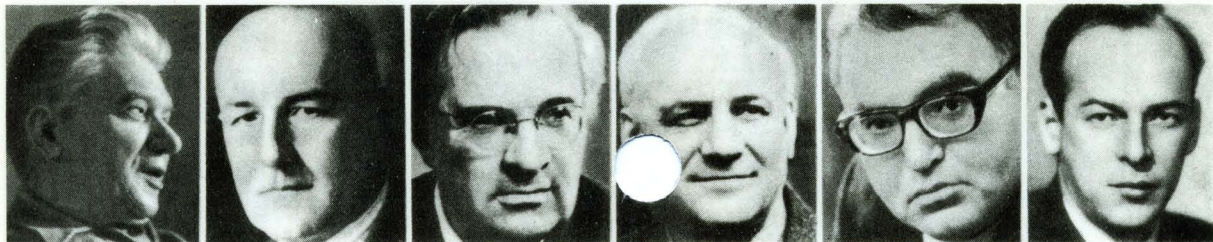
Ни один художник, дерзнувший прикоснуться к ленинской теме, не может и не сможет сказать о себе: я достиг всего, к чему стремился. Само су-

щество этой темы зовет к вечному движению, к постижению все новых граней ленинского характера, зовет ко все новым раздумьям над жизнью, совершенствованию мастерства».

Михаил Штраув, драматург: «По-моему, ленинская тема для художника — сама современность. Обращение к Ленину, к опыту работы, которую он вел вместе с партией, — это всегда поиск верного подхода к современным проблемам. Так диктует сама жизнь».

Максим Штраух, народный артист СССР: «Я читал Ленина и о Ленине, изучал биографии революционеров-ленинцев. Искал живых свидетелей и мучил их расспросами. Без конца бродил по залам ленинского музея, впитывал в себя все, что видел. Изучал кинохронику, кадр за кадром, и до боли досадовал: как мало, непростительно ма-

зрительном зале и смотрели не столько на сцену, сколько в ложу, где сидела Надежда Константиновна. Спектакль окончился. Крупская долго сидела в задумчивости, склонившись над барьером ложи. А потом сказала, что ей не хочется ехать домой. Это было для меня самой высокой наградой. Надежда Константиновна беседовала с нами до самой глубокой ночи... Спутница торопила ее домой, желая уберечь от излишней усталости и волнений. Но это не так-то легко было сделать. Говорили о многом. Надежда Константиновна призналась, что до сих пор сомневалась в возможности и целесообразности воплощения образа Ленина на сцене. Но сегодня, воочию видя, какой горячий отклик находит спектакль в зрительном зале, она начинает убеждать в обратном. Это был незабываемый спектакль и незабываемая встреча».

ло снимали в свое время Ленина! Вслушивался в голос Владимира Ильича и не успокаивался до тех пор, пока не стало трудно отличить запись ленинского голоса на грампластинке от записи того же текста, но произнесенного мною. Искал и пробовал грим.

На меня нахлынул огромный поток впечатлений. Я старался разобраться в них и понять различные стороны многогранного образа Ленина, определить его главные черты...

И вот, наконец, после многих просмотров первая встреча со зрителем. Я только на этом спектакле впервые понял, что такое тишина в зале. Мне говорили, что никто не сидел, откинувшись в кресле. Все, кто был в зале, как бы подались вперед, стараясь все разглядеть, услышать каждое слово. Такое накаленное внимание трудно даже себе представить. Оно горячей волной передалось нам на сцену. Незабываема приподнятая атмосфера первых спектаклей.

Вспоминаю один из самых ответственных для меня спектаклей. Я узнал, что в зрительном зале находится Н. К. Крупская. Она представлялась мне самым строгим судьей моей работы. Сотрудники театра, свободные от спектакля, устроились в

Борис Щукин, народный артист СССР: «На мою долю выпала честь быть участником создания исторического фильма «Ленин в Октябре», в котором впервые в кино делалась попытка воспроизвести образ гениального вождя революции — Владимира Ильича Ленина. Работа в этом фильме, а также в спектакле «Человек с ружьем» являлась для меня серьезнейшим художественным и политическим экзаменом... И я безмерно рад, что массы зрителей принимают образ Ленина, созданный в картине, за близкого, своего, родного Ильича».

Мы публикуем редкую запись: народный артист СССР Николай Черкасов рассказывает о фильмах, где его героям приходилось по сценарию разговаривать с В. И. Лениным.

Монолог Н. Черкасова «Всегда с волнением...» слушайте на третьей звуковой странице.

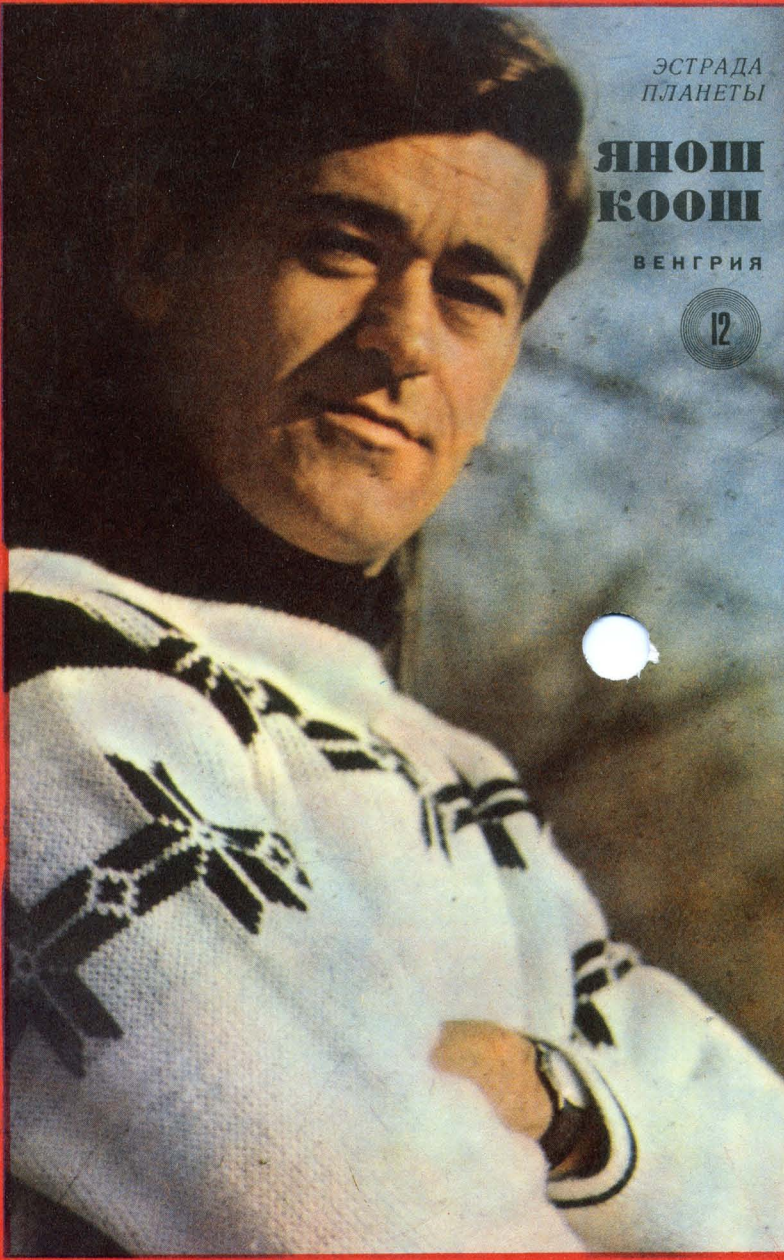
На фото: Н. Погодин, Б. Щукин, М. Штраух, Б. Смирнов, М. Штраув, Н. Черкасов.

ЭСТРАДА
ПЛАНЕТЫ

ЯНОШ КООШ

ВЕНГРИЯ

12

Цена 1 руб.

Старичок в форменной крылатке будапештского почтальона сказал, что пятьдесят писем, доставленных им в этот день на квартиру Яноша Кооша, — почта заурядная. Писем бывает и вдвое больше. Среди них обязательно несколько из Советского Союза.

— В Москве я получил свой первый международный приз, — объяснил Янош Коош. — Это было в 1967 году. С тех пор не менее двух месяцев в году я гастролирую в Советском Союзе.

Вас интересует, где я учился? В 1965 году окончил Будапештскую консерваторию имени Ференца Листа. Но учился не петь, а играть на гобое. Об этом хорошо знают мои случайные соседи по гостиницам. Там я нахожу время для упражнений. А в Будапеште гобой почти не расстается с футляром.

Почему? Потому что я занят на Венгерском радио и телевидении, участвую в конкурсах танцевальной песни, записываюсь на пластинки, трижды в неделю выступаю с оркестром «Экспресс» в будапештском театре «Киш-синпад». Наша программа предназначена для молодежи от четырнадцати до двадцати. Ну и, конечно, для тех, кто всегда думает, что ему еще только двадцать.

Если перефразировать название, то та песенка, что ходит по кругу, принесла мне приз 1967 года. А потом однажды в Советском Союзе я пришел в гости к своему другу Арно Бабаджаняну и попросил написать что-нибудь специально для меня. Композитор всплеснул руками: «Понимаешь, уже написал. Пять минут назад. Еще никому не показывал». Так вошла в мой репертуар песня «Чертовое колесо». Я возил ее в Рио-де-Жанейро и Гамбург, в Париж и Берлин. Это были удачные поездки.

Десять из каждых десяти песен моего репертуара — венгерские. Впрочем, это естественно...

Венгерские мелодии и танцевальные ритмы помогли Яношу Коошу впервые проявить свое дарование певца на школьных вечеринках, потом на балах в консерватории. Именно на таком балу к нему подошел антрепренер концертного бюро и спросил:

— У вас нет желания профессионально исполнять танцевальные песни?

— Нет.

— А все-таки попробуйте...

— Я попробовал, — вспоминает Янош Коош, — и желание появилось.

А. КАВЕРЗНЕВ

Будапешт